

Редакционная коллегия:

Н. П. Федоренко — главный редактор, А. Г. Аганбегян, Н. П. Бусленко,
В. А. Волконский, Е. Г. Гольштейн — зам. главного редактора,
Ф. Г. Гурвич, А. Н. Ефимов, Л. В. Канторович, А. Л. Лурье,
Б. Н. Михалевский — зам. главного редактора, А. А. Модин, Н. Н. Некрасов,
В. В. Новожилов, Я. А. Обломский, Ю. А. Олейник-Овод, М. Е. Раковский,
Т. В. Рябушкин, Б. П. Суворов, Б. С. Фомин — ответственный секретарь,
Ю. И. Черняк, Е. И. Яковлев

ЭКОНОМЕТРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

С. АВГУРСКИЙ

(Москва)

Критике эконометрии как особого направления буржуазной экономической теории посвящено немало монографий, сборников, статей и рецензий*. И все же эту тему нельзя считать истерпанной; более того, ныне она стала актуальней, чем когда-либо ранее. Важность и актуальность такой критики определяются сочетанием ряда факторов. На первое место надо поставить то обострение идеологической борьбы, которое столь характерно для нынешнего этапа сосуществования и соревнования двух противоположных социально-экономических систем. На этом идеологическом фронте, как будет показано ниже, эконометрия занимает немаловажный участок.

Другим фактором является то обстоятельство, что эконометрия уже не может рассматриваться только как теория: она превратилась в средство экономической политики государственно-монополистического капитализма и в инструмент деловой практики монополий.

Вместе с тем, к более глубокому анализу содержания и новейшего развития эконометрии побуждает доминирующее положение, завоеванное ею в комплексе экономических школ и направлений на Западе, и тот престиж, которым она пользуется во многих молодых развивающихся государствах.

Наконец, нельзя не учесть значительного расширения области приложения экономико-математических методов в исследованиях советских экономистов и в практике планирования и управления социалистической экономикой, причем нередко используется формальный аппарат эконометрии и отдельные результаты исследований буржуазных авторов. В связи с этим встает задача правильно оценить — где имеют место сходственные моменты, в чем заключаются различия и где коренится противоположность между эконометрией на Западе и математическими методами исследований, базирующихся на марксистско-ленинской политической экономии.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМЕТРИИ

Уточним, что охватывается ниже термином «эконометрия».

Западные экономисты и статистики, создавшие в начале 30-х годов Международное Эконометрическое Общество, считали основной задачей нового направления — «эконометрики» — проверку различных экономических теорий на эмпирическом материале при помощи методов математической статистики.

По существу «эконометрика» сводилась к построению «эконометрических моделей», последние же представляют собой «систему крайне схематизированных уравнений с данными, взятыми из истории функционирования экономических систем, и численными оценками параметров, полученными посредством соответствующей статистической обработки» [2].

* Обстоятельная библиография приведена в [1].

Не случайно эконометрика возникла в 30-х годах, в период экономического кризиса, потрясшего всю систему капитализма. Общий кризис капитализма, возникший в результате первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, обострился после кризиса 1929 года; явно обанкротилась вся традиционная буржуазная политическая экономия, которую на Западе называют «классической», а Маркс именовал «вульгарной». Нашумевшие работы Дж. М. Кейнса явились наиболее ярким моментом кризиса политэкономии на Западе. Разгоревшаяся дискуссия между кейнсианцами, антикейнсианцами и некейнсианцами, оставаясь в рамках риторических рассуждений, оказалась бесплодной. Естественно, родилось стремление подвергнуть различные взгляды эмпирической проверке, но так как отдельные факты можно подобрать в поддержку любой теории, то убедительной могла бы быть лишь такая аргументация, которая строится на основе внутренне согласованных и статистически фундированных экономических моделей. Эту задачу и пыталась решить «эконометрика».

Однако постепенно стало выясняться, что эконометрические корреляционные модели не способны однозначно оценить истинность или ложность той или иной теории; практическая ценность их для прогноза движения капиталистической экономики также оказалась неудовлетворительной. Эконометристы все более и более углублялись в формализм математических и статистических методик, удаляясь и от экономической теории и от запросов практики.

Вряд ли можно сомневаться в том, что эконометрика в этом узком понимании со временем потеряла бы научный интерес, исчерпав свою тематику или погрязнув в тонкостях статистической техники. Однако случилось иное: благодаря развитию других научных дисциплин, а также в связи с изменениями в экономике и политике капитализма, прежняя эконометрика преобразовалась и вошла в качестве одного из компонентов в гораздо более обширную область применения математических методов в экономических исследованиях; эту область можно назвать эконометрией в широком смысле слова, или просто «эконометрией», в отличие от статистической трактовки, за которой мы сохраняем название «эконометрика». Термин же «математическая экономия» (аналогично математической физике) относится к математическим, а не экономическим наукам.

Что же вдохнуло новую жизнь в эконометрику?

Здесь надо учесть как общую политическую ситуацию, так и прогресс в смежных областях науки и техники.

Вторая мировая война углубила и обострила общий кризис капитализма: возникла мировая система социализма; на развалинах колониальных империй родились молодые национальные государства; небывалой высоты достиг международный авторитет, экономическое и оборонное могущество Советского Союза. В экономическом соревновании двух систем все явственнее выступают преимущества планового социалистического хозяйства; идеи некапиталистического пути развития находят себе почву в развивающихся странах. В этой обстановке капитализм ищет новые средства для сохранения своих пошатнувшихся позиций; перед лицом новых запросов вынуждена перестраиваться и буржуазная экономическая наука.

Не следует, однако, упрощать и вульгаризировать крайне сложную связь между теоретическим мышлением и сменяющейся ситуацией в общественной жизни; нельзя игнорировать известную автономию развития знаний, преобладание и филиацию идей, взаимопроникновение различных областей науки. С этой точки зрения надо отметить факт обогащения методики эконометрических исследований со стороны кибернетики. Системный подход, принципы управления сложными системами, идеи пре-

образования информации органически вошли в методику экономических исследований. Одновременно экономисты приняли на вооружение новую вычислительную технику. В частности, обращение матриц большой размерности стало стандартной операцией, что дало новый толчок к практическому использованию матричных балансов межотраслевых связей.

С другой стороны, эконометристы смогли использовать развившуюся в 50-е годы методику исследования операций. Но наиболее важным подкреплением эконометрического направления явилась разработка математикой теории оптимального программирования (в первую очередь — линейного). Особое значение приобрели теоремы о двойственности и экономическая интерпретация двойственных оценок. Менее радикальное, но все же существенное значение имели новые исследования в области теории вероятностей, математической статистики, теории графов и теории игр.

По мере расширения методической базы и технических средств эконометрии ширилось ее практическое применение. Особо видную роль сыграли здесь задания по экономическому прогнозированию и «программированию» на государственном уровне.

В результате запросов практики, с одной стороны, и развития собственной теоретической и технической базы, с другой, эконометрия превратилась из узкоспециальной «эконометрики» в обширный комплекс экономико-математических фундаментальных и прикладных исследований, который мы и называем эконометрией.

Реальная возможность воплощения в жизнь определенных результатов решения экономико-математических моделей вызвала существенную перестройку направления и методов самой эконометрии.

Дальнейшее развитие ее стоит в неразрывной связи с современной научно-технической революцией, которая поставила в порядок дня новые для экономистов темы.

Ранее стоявшие в центре внимания сильноагрегированные модели (одно-, двух- или трехпродуктовые), с упором на роль накопления в процессе роста, себя исчерпали, поскольку такие модели не могут адекватно и продуктивно отобразить сложную структуру народного хозяйства. Дезагрегирование требует подключения моделей межотраслевых связей, но эти модели с точки зрения реальной информации носят статический характер. Особое внимание в последнее время уделяется введению стохастики в динамические модели; эти работы можно отнести к поисковым, так как даже основные концепции стохастических процессов в сфере экономики далеко еще не устоялись.

Дезагрегирование и учет неопределенности приобретают особое значение в свете новейшего прогресса науки и техники. Фактор времени выступает как важнейший элемент экономических расчетов.

В обстановке соревнования двух систем усиление классовой борьбы вынуждает капиталистов маневрировать и искать новые пути повышения степени эксплуатации труда и рентабельности производства. Организованный рабочий класс главных капиталистических стран ведет повседневную борьбу за повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда, расширение социального страхования и т. п. В этих условиях предприниматели ищут выхода в ускорении технического прогресса; жизнь показывает, однако, что одной новой техники и технологии недостаточно: необходимо приспособить к новейшим средствам техники более совершенные методы организации и управления производством. На современном этапе научно-технической революции решение этих задач требует применения высокоспециализированного инструментария науки управления и экономико-математических методов. Тем самым эконометрия выходит за рамки теоретических изысканий и включается в арсенал

средств, необходимых для эффективного производства материальных благ. Наряду с машиной математическая модель становится орудием усиленной эксплуатации наемного труда и ускоренного обогащения капиталистов. Это новое орудие служит в первую очередь интересам крупных монополий.

В ходе развития первоначально возникшие локальные группы эконометристов (нидерландская, норвежская, американская) пополнились новыми национальными группами (английская, французская, японская, итальянская, индийская и др.), которые в дальнейшем слились в единое интернациональное направление. Внутри этого направления имеются теоретические расхождения, но в целом оно исходит из буржуазной политической экономии в ее различных вариантах.

На современном этапе буржуазная эконометрия выполняет три основные функции:

- функцию идеологическую в сфере апологии капитализма и критики социализма;

- функцию научного обоснования экономической политики капиталистических государств;

- функцию обслуживания деловых, коммерческих интересов отдельных капиталистических предприятий (фирм).

Эти функции будут рассмотрены ниже.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЭКОНОМЕТРИИ

Было бы неверно и опасно преуменьшать идеологическую роль эконометрии на том основании, что западные эконометристы излагают свои работы на сложном специальном языке, доступном ограниченному кругу читателей. В действительности, несмотря на специфический формализм, эконометрия оказывает существенное и растущее влияние на широкие круги общественности. Это происходит, во-первых, через каналы практического использования эконометрических методов в государственном аппарате и в монополиях; во-вторых, через преподавание экономических наук и соответствующие учебники; в-третьих, в результате популяризации идей эконометрии литературой и другими средствами массовой информации; наконец, через привлечение эконометристов в качестве экспертов и консультантов международных организаций. Проникая различными путями в общественное сознание, идеи эконометрии превращаются в орудие идеологической и политической борьбы.

Хотя математика сама по себе наука неклассовая, приложения математики нередко могут иметь классовую направленность, прикрытую отвлеченной формой изложения. Еще Вильфредо Парето, один из основателей математической школы политической экономии, предостерегал от злоупотребления «магией математических формул». Абстрактная, логико-математическая и символическая форма особенно удобна для маскировки социальной апологетики, для оправдания капиталистической системы эксплуатации, а также для якобы объективной критики социалистического планирования.

Защита капиталистического строя в работах эконометристов объективно идет по двум основным направлениям: с одной стороны, условия функционирования экономической системы формулируются таким образом, что вопрос о собственности на средства производства затушевывается и подменяется вопросом: кто принимает экономические решения и на основе каких критериев; с другой стороны, в экономические модели закладывается постулат, будто капиталистическое государство способно целеустремленно, рационально и эффективно управлять процессом развития народного хозяйства.

Рассмотрим эти два аспекта.

Имеется обширная литература, посвященная вопросу локализации тех инстанций, где принимаются экономические решения. Единства мнений по этому вопросу нет, и само понимание «локуса» решений лишено необходимой отчетливости. Много внимания уделяется тенденции разделения функций между собственниками капитала и управляющими; подчеркивается, что крупные капиталистические предприятия ныне управляются наемным персоналом, а владельцы акций ограничиваются получением дивидендов, не оказывая влияния на ход работы предприятия*. Другие авторы, не отрицая факта отделения собственности на средства производства от управления производством, подчеркивают решающую роль финансовой олигархии, т. е. небольшого числа «семейств», владеющих контрольными пакетами акций крупнейших монополий. Не вмешиваясь в текущую оперативную деятельность предприятий, представители финансовой олигархии фактически обладают верховной экономической властью, назначая своих людей на руководящие посты и оказывая решающее влияние на принятие «стратегических решений».

Несомненно, проникнуть в «кухню» принятия решений чрезвычайно трудно; во всяком случае, известно: кто не принимает решений в капиталистическом хозяйстве — это рабочие. Правда, нередко они принимают решение — бастовать! Но это уже другой вопрос.

Не менее, если не более, важен вопрос о том, как принимаются решения.

Не вдаваясь в малоизученную область теории принятия решений, мы ограничимся рассмотрением двух моментов, важных с точки зрения оценки роли эконометрии — критерия выбора вариантов и способности предвидения.

Экономические решения, принимаемые в странах капитализма на различных уровнях иерархии государственного аппарата и частно-капиталистических предприятий, имеют общей целью укрепление капиталистического строя и усиление эксплуатации трудящихся. В этом смысле критерии оптимальности при выборе решений совпадают, но они, естественно, не совпадают, когда вопрос касается непосредственных интересов отдельных групп, организаций, предприятий и лиц.

Остается ли по-прежнему максимизация прибыли критерием принятия решений монополиями и другими частно-капиталистическими предприятиями?

Этот вопрос широко дебатруется; часто выдвигается тезис, что для современных крупных монополий данный критерий устарел и заменяется критериями более общего порядка — критерий стабильного роста и т. п. Несомненно одно — само представление о максимуме прибыли значительно усложнилось, поскольку речь идет не о кратковременном расчете, а о долгосрочном прогнозе, с учетом запаздываний, неопределенности и возможных стратегий конкурентов. Таким образом, критерий максимизации прибыли (как и любой другой из предложенных критериев) неразрывно связан с прогнозом; это особенно отчетливо проявляется в «стратегических» решениях при выборе вариантов крупных долгосрочных капиталовложений. Принятие экономических решений в условиях риска и неопределенности, с учетом многочисленных факторов производства и реализации продукции, настоятельно требует применения экономико-математических методов. Эти методы позволяют отобрать ограниченное число эффективных вариантов и представить в обозримом виде цепь последствий, вытекающих

* Монополии, стремясь к автофинансированию за счет нераспределенных прибылей, обычно удерживают дивиденды на низком, но устойчивом уровне. Это даст повод говорить: «дивиденд — это та часть прибыли, утаить которую уже невозможно».

из выбора каждого из них. Однако — и это надо подчеркнуть — эконометрические модели не определяют решения. Они не способны его определять уже потому, что сложные экономические ситуации не могут быть полностью формализованы — всегда остаются существенные неизмеримые факторы. С другой стороны, нет оснований полагать, что принимающие решения лица (или коллективы) поступают своими личными интересами и симпатиями ради того или иного объективного критерия; какие-то элементы субъективизма всегда присутствуют в сложном процессе принятия решений.

Таким образом, ожидать, что капитал будет строго руководствоваться эконометрическими расчетами — иллюзия. Реальные противоречия капитализма несовместимы с рациональной — не говоря уже об оптимальной — системой хозяйствования. Именно эти противоречия затухивают в эконометрических моделях. Так, проблема реализации произведенных товаров — извечная и острейшая проблема капитализма — в моделях по существу игнорируется; вместо нее анализируется проблема рыночного равновесия. Законы ценообразования рассматриваются не на основе теории стоимости, а с точки зрения принципа равновесия. Различные концепции цен расцениваются не как взаимно исключаящие, а как совместные, необходимые и достаточные условия однозначного определения системы балансирующих цен.

Поэтому нет оснований считать, что эконометристы обязательно являются последователями теории предельной полезности; многие из них открыто выступают против нее. Для эконометристов более характерна эклектичность; их подход к ценообразованию и рыночному равновесию напоминает концепцию М. Туган-Барановского, который, как известно, пытался совместить теорию трудовой стоимости с концепцией предельной полезности.

Высказывания буржуазных эконометристов по вопросу о прибавочной стоимости и заработной плате также сходны с положениями Туган-Барановского. Они тоже отрицают, что цена рабочей силы определяется стоимостью ее воспроизводства, отрицают закон прибавочной стоимости.

Отрицание закона прибавочной стоимости лежит в основе «доказательств» возможности неограниченного роста реальной заработной платы при капитализме. Этот тезис занимает центральное место в выступлениях английского экономиста Н. Кальдора под громким заголовком: «Кейнс против Маркса» [3]. К этой явно апологетической концепции приложимы слова Вольтера о философии Лейбница: «Эта превосходная теория не может быть опровергнута ничем... кроме фактов». Факты же показывают, что лишь упорной классовой борьбой рабочие могут противодействовать снижению своего жизненного уровня.

Пробным камнем экономической теории служит трактовка общественных классов и индивидов как членов общества. Эконометристы Запада фактически игнорируют реальные общественные отношения; на их место они ставят поведение условного — «экономического» — человека.

«Экономический человек» есть абстрактная единица, действующая автоматически в соответствии с априорными критериями рациональности*. В балансовых моделях люди трактуются в виде обобщенной категории «домохозяйств», в которую включаются на равных началах эксплуатируемые и эксплуататоры.

* В зависимости от намеченного критерия в экономических работах фигурируют: «Минимаксный человек» (фон-Нейман); «Человек, принимающий логические решения» (Шубик); «Эконометрический человек» (Веблен); «Самоудовлетворяющийся человек» (Симон); «Героический человек» (Боулдинг); «Человек умеренного риска» (Гурвиц); «Минимакс-максиминный человек» и т. д.

Одним из приемов маскировки социальных контрастов служит усреднение исходных данных; конечно, экономическая теория и практика не могут оперировать бесчисленным множеством индивидуальных характеристик — обобщение, агрегирование и усреднение являются объективной необходимостью. Суть в том, как производится агрегирование. Только марксистско-ленинская теория дает ключ к научному решению сложных задач дифференциации, группировки, агрегирования и усреднения статистических данных. Именно здесь проявляется научная сила классового анализа и научная импотентность абстрактного «надклассового» подхода.

Социологические установки западных эконометристов весьма напоминают старые идеи французского социолога Ш. Дюркгейма о том, что общество основано на «солидарности» его членов, что понятие классов надо заменить «профессиональными группами», что противоречия капитализма лишь «несовершенство системы». Дюркгейм объявлял буржуазное государство общим органом нации и призывал к рационализации капитализма при помощи постепенных реформ.

Не следует, однако, думать, что концепции буржуазной эконометрии безраздельно господствуют в экономических взглядах Запада. Критика «справа» — со стороны приверженцев традиционной буржуазной политической экономии — упрекает западных эконометристов в формализме, в игнорировании исторической конкретности, в стирании грани между «системой частного предпринимательства» и «государственным социализмом». Они укоряют эконометрию в том, что в математических моделях исчезает центральная фигура хозяйства — фигура индивидуального предпринимателя, новатора, инициатора, человека, не боящегося риска. В эконометрии — говорят критики — не находится должного места для закона спроса и предложения для денежного обращения, кредита, фондовой биржи и других типичнейших институтов «свободного предпринимательства» [4]. В конечном счете эконометрия якобы открывает дорогу государственному регулированию и ведет к передаче экономической власти из рук предпринимателей в руки экспертов («экспертотократия»).

Нужно сказать, что такая критика не лишена влияния среди консервативных элементов частного капитала. Критика с таких позиций, хотя и нацупывает некоторые реальные слабости эконометрии, не может рассматриваться как продуктивная. Восхваление индивидуального предпринимателя явно не вяжется с реальностью современного монополистического капитализма. Напротив, критика «слева» укоряет эконометристов в том, что они слишком привязаны к устаревшим идеям традиционной политической экономии, верят в автоматизм, эффективность и оптимальность свободного рынка. Эта критика (Дж. Гелбрайт, Г. Мюрдаль и др.) указывает на то, что западная эконометрия опирается на понятие равновесия и сбалансированного роста, далекие от действительности, а в трактовке «суверенитета потребителя» эконометристы выдают желаемое за существующее. Нельзя отрицать обоснованности этих упреков; все же такая критика не вскрывает принципиальных слабостей буржуазной эконометрии, корнящихся в игнорировании основных противоречий капитализма. Буржуазные критики «слева» безмерно преувеличивают роль капиталистического государства.

Буржуазная критика западной эконометрии не вскрывает ее идейной классовой направленности и, следовательно, ее теоретической непоследовательности. Эта критика обходит коренной вопрос о характере производственных отношений и объективных законах капиталистического способа производства.

Наиболее отчетливо идеологическую сторону эконометрии раскрывают модели экономической динамики. Эти модели не раз уже рассматривались

советскими экономистами; нет поэтому необходимости еще раз возвращаться к их критике. Надо, впрочем, заметить, что и среди самих эконометристов в последнее время уделяется особое внимание асимптотическим проблемам экономического роста. Ведется дальнейшая разработка вопроса, поставленного еще фон-Нейманом (1932 г.) относительно выхода экономической системы на «магистральный путь» устойчивого роста с наивысшим возможным темпом.

Как известно, фон-Нейман и В. Леонтьев рассматривали замкнутые модели, без оптимального управления, исследуя их спонтанное развитие на основе внутренних закономерностей. В последние годы центр внимания перенесен на управляемые системы; исходя из предположений об устойчивости и о реальной возможности эффективного управления системой в соответствии с выбранным критерием оптимальности, доказываемая, что после конечного периода переходного режима система выходит на магистральный путь устойчивого роста (независимо от ее начального состояния) [5]. Надо подчеркнуть, что теоремы о магистрали носят абстрактный характер, полностью игнорируя различия социального типа систем. Очевидно, постулаты устойчивости, управляемости и оптимальности не могут быть применены к реальной капиталистической экономике. Теория магистрального пути ограничена отысканием решений модели с бесконечным горизонтом времени. Вместе с тем теоремы о магистральном пути отнюдь не решают проблемы выбора наиболее эффективного пути технического прогресса; равным образом они не решают задачи выбора критерия общественного оптимума. Любые попытки использовать идеи о магистрали для подкрепления концепции «конвергенции» как слияния капитализма и социализма на «асимптоте исторической траектории» абсолютно не обоснованы.

Ни в чем так не проявляется реформистская сущность буржуазной эконометрии, как в концепции конвергенции. Эта концепция подхвачена и теми кругами Запада, которые далеки от эконометрии; она получила звучание в молодых развивающихся странах.

Все это побуждает остановиться на идее конвергенции несколько подробнее.

Конвергенция выдвигается как объективный, закономерный, исторический процесс взаимного сближения двух систем: социалистической и капиталистической. Этот процесс двухсторонний: в капитализме якобы зревают элементы планового хозяйства, а развитие социализма изображается как движение по пути все более широкого использования инструментов и методов капиталистического рыночного хозяйства. В результате «реформ» капитализма и социализма должна образоваться новая структура «индустриального общества». Социальная революция становится излишней. Буржуазная эконометрия пытается подвести под эту идею формально-математическую базу. Суть вопроса заключается, однако, не в математических моделях, не в абстрактной возможности выйти на асимптоту, а в принципиальной позиции: математика используется здесь не по своему назначению. Никакие теоремы не могут доказать, что капитализм приближается к социализму, а социализм к капитализму.

Глубоко ошибочно трактовать асимптотические теоремы роста как доказательства реальности процесса конвергенции. Столь же необоснованна трактовка этапов развития плановой экономики как сближения ее с экономикой капиталистического рынка.

Критика социалистического планирования со стороны эконометристов идет по нескольким направлениям: во-первых, отыскиваются слабости в практике планирования в СССР и в других социалистических странах; во-вторых, вообще ставится под сомнение теоретическая возможность эффективного централизованного планирования народного хозяйства; в-третьих,

тенденциозно интерпретируются проводимые в социалистических странах экономические реформы; наконец, в-четвертых, дается искаженная картина применения математических методов в марксистских экономических работах и в управлении социалистическим хозяйством [6].

Общая направленность всей этой критики заключается в отрицании коренных преимуществ социализма перед капитализмом, в обосновании тенденции к их сближению на базе «смешанной экономики».

Характерно, что, выступая против многих эконометристов, Дж. Гелбрайт разделяет с ними концепцию «конвергенции», причем его исходной позицией является идея «техноструктуры» [7]. Именно в результате аналогичной технико-производственной структуры хозяйства обе системы — капиталистическая и социалистическая — должны сближаться. И при социализме, и при капитализме традиционный рынок свободной конкуренции теряет свою функцию; определяющим моментом общественного производства становится экономическая политика государства совместно со стратегией крупнейших предприятий (монополий).

В теоретическом плане буржуазные эконометристы пытаются представить эволюцию социалистического планирования и экономической теории как постепенный отход от марксизма и переход на позиции западной эконометрии. Проводимые экономические реформы трактуются как банкротство методов «жесткого» централизованного планирования и переход к «гибкому» планированию на основе рыночного механизма, закона стоимости, максимизации прибыли: «прибыль социалистическая ничем не отличается от прибыли капиталистической».

Дополнительным аргументом в защиту идеи конвергенции выдвигается расширяющееся применение математических методов экономистами социалистических стран. Этот аргумент нуждается в более тщательном анализе по существу, тем более, что сходство математического формализма вызывает и среди экономистов-марксистов настороженность и подчас даже возбуждает сомнение: не подменяется ли марксистско-ленинская политическая экономия математической школой буржуазной политической экономии?

Было бы опрометчиво категорически отрицать такую опасность; временно было бы глубоко ошибочно отождествлять математический подход к экономическим процессам с антимарксистскими теориями, формализованными математически. Такое отождествление в действительности могло бы лить воду на мельницу теории конвергенции.

Суть дела, по нашему мнению, в том, что на данном этапе научно-технической революции происходит процесс интеграции наук, их взаимного обогащения; одним из наиболее важных проявлений этого процесса надо считать математизацию наук. Огромную роль сыграло также появление кибернетики как общей теории управления системами самого различного типа. Математизация и системно-информационный подход не могли не оказать глубокого воздействия на развитие экономической науки. Но это нельзя понимать как пересмотр принципов марксистско-ленинской экономической теории; напротив, его надо воспринимать как обогащение этого бессмертного учения новым могучим арсеналом логических, математических и кибернетических методов.

Логически идея конвергенции базируется на двух априорных предположениях: во-первых, на том, что буржуазное государство способно вырабатывать и руководить общенациональной программой экономического развития, отвечающей общественному критерию оптимальности; во-вторых, на том, что общественные классы капиталистического общества будут руководствоваться этой программой. Очевидно, обе эти гипотезы лишены основания, так как в них игнорируются коренные противоречия капитали-

стического строя. Таким образом, теория конвергенции лишается своего главного устоя. С другой стороны, сторонники конвергенции уповают на то, что в социалистических странах развитие пойдет по пути автономизации предприятий и усиления рыночного механизма в ущерб плану. Несоостоятельность этого прогноза разрушает второй устой теории конвергенции. Для марксиста ясно, что идея конвергенции утопична и реакционна, направлена против идей научного социализма. Однако эта реформистская концепция не лишена привлекательности для определенных общественных кругов. Эти круги, видя пороки капитализма, вместе с тем страшатся революции; они ищут выхода на путях «оптимального сочетания» частной инициативы и государственного программирования. Отсюда привлекательность моделей «гармоничной смешанной экономики», сочетающей гибкости капитализма с плановостью и организованностью социализма.

Эта мысль приводит на память поучительную историю об античном скульпторе, который задумал создать идеальную фигуру, взяв все лучшее у женского тела и у мужского. Результат, однако, отнюдь не вызвал восхищения.

Подводя итог, можно сказать, что главная идеологическая функция буржуазной эконометрии заключается в распространении реформистских иллюзий — в создании своего рода «экономических мифов». К таким мифам в отношении капитализма относятся:

— миф о равновесии и оптимальности «свободного рынка», о возможности неограниченного сбалансированного роста;

— миф о неограниченном повышении жизненного уровня трудящихся на основе дележа прибавочного продукта, возрастающего в результате технического прогресса;

— миф о суверенности потребителя;

— миф о надклассовом характере буржуазного государства и его регулирующей функции.

Вместе с тем буржуазные эконометристы пытаются обосновать невозможность рационального планирования и неизбежность «конвергенции» капитализма и социализма на путях «гибридизации» плана и рынка.

Быть может, отдельные буржуазные эконометристы верят в эти мифы, но теория и практика показывают их призрачность и вредность.

ЭКОНОМЕТРИЯ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВА

Эконометрические методы оказывают возрастающее влияние на экономическую деятельность государства в странах развитого капитализма, а также в некоторых слаборазвитых странах. Они находят применение в так называемом национальном программировании, в составлении государственного бюджета, в разработке мер по экономической стабилизации, в определении внешнеторговой политики, а также в экономических мероприятиях, связанных с вооружениями.

Сфера и эффективность применения эконометрических методов находится в тесной зависимости от объективных экономических условий, но имеет значение и уровень развития самой эконометрической теории в данной стране.

Программирование в государственном масштабе (среднесрочное и долгосрочное) имеет место в тех странах, где государство концентрирует в своих руках значительную часть национального дохода, располагает важными национализированными отраслями хозяйства, где государственный аппарат имеет тесный контакт с ведущими монополистическими объединениями. Идеологические позиции правящих кругов также играют определенную роль: там, где господствуют традиционные взгляды «свободного

предпринимательства», идеи государственного программирования с трудом пробивают себе дорогу. К странам, вступившим на путь программирования, относятся Франция, Италия, Нидерланды, Япония, Индия и ряд других, в то время как в США, Канаде, Англии, ФРГ, Швейцарии национальное программирование не получило развития, хотя и здесь разворачиваются работы по экономическому прогнозированию.

Современное государство нуждается в прогнозах; крупные политические, военно-стратегические, социальные и экономические решения требуют вероятной оценки их последствий как ближних, так и дальних. Неизбежный в любом прогнозе момент неопределенности не обесценивает практической значимости количественного предвидения. Роль эконометрии в экономическом прогнозировании, естественно, является ведущей; имеются лишь два пути прогностики: экспертные оценки и математические модели: все остальные методы по существу представляют собою их сочетание *.

Вследствие сохранения принципа частной собственности на средства производства государственные программы не являются обязательными и так называемые «планы» могут иметь вне государственного сектора лишь рекомендательный и ориентирующий («индикативный») характер. Соответственно и эконометрические модели, используемые при разработке подобных планов, носят специфический характер: они или весьма абстрактны, или имеют статистико-описательное содержание.

В индикативных планах по существу отсутствует критерий оптимальности. Идеалом развития экономики считается ее удержание в «полосе нормального развития». Пределы этой полосы определяются допустимыми размерами инфляции, с одной стороны, и терпимым уровнем экономических спадов и безработицы, с другой.

Естественно, центральное место в программировании занимает количественный прогноз. Именно в области прогнозирования эконометрические методы призваны играть решающую роль, хотя до сих пор значительный удельный вес имеют экспертные прогнозы.

Теоретически, наиболее последовательным методом прогнозирования является построение комплексной системы моделей развития народного хозяйства и извлечение из этих моделей, при минимуме включенных экзогенных данных, искомых численных показателей.

Отметим прежде всего, что сама постановка этой задачи — не утопия. Еще Маркс считал, в принципе, возможным математически определить параметры промышленных циклов и предвидеть наступление кризисов, используя статистические данные о прошедших циклах [8].

Не вызывает принципиальных возражений и идея построения системы динамических моделей, охватывающей все основные показатели в их взаимосвязи, с учетом стохастического характера экономических процессов. Однако центральным моментом прогнозирования все же является не логико-математический формализм, а содержательное раскрытие внутренних сил и противоречий данной социально-экономической системы. Математическая же модель есть лишь формализованная теория.

Следует учесть, что экономические прогнозы могут быть пассивными или активными. К пассивным прогнозам относятся те количественные прогнозы, которые не оказывают влияния на ход прогнозируемых событий (аналогично прогнозам погоды).

* Заслуживает внимания организация в США (сентябрь 1968 г.) специального Института научного прогнозирования, основная задача которого — изучение тенденций развития техники и экономики с точки зрения дальних социальных последствий.

Активный прогноз сам влияет на принятие эффективных экономических решений и тем самым на ход прогнозируемого процесса.

Допустим, сделанный прогноз выявил угрозу появления в экономике тех или иных несопряженностей — узких мест. Если своевременно принятыми мерами эти угрозы будут предотвращены, формально прогноз не оправдается, но по существу именно в этом случае активный прогноз будет оправдан.

В общем случае активный прогноз должен включать варианты решений, которые могут быть приняты на основе первоначального прогноза; тем самым прогнозирование чрезвычайно усложняется и становится многошаговым процессом, сочетающим пассивный прогноз с принятием решений.

Задача построения такой системы прогнозирования еще не решена; более того, она еще не сформулирована достаточно конкретно. Можно вообще сомневаться в том, что в условиях капиталистического хозяйства длительно активный прогноз имеет право на существование. С логической точки зрения все прогнозы западных эконометристов непоследовательны; в них перемешан пассивный и активный подход.

Эконометрические модели как инструмент прогнозирования находятся еще в стадии эксперимента, однако, имеются свидетельства об их относительных преимуществах перед прогнозированием традиционными методами. Так, официальный английский прогноз «Национальный план на 1970 г.» [9], составленный в основном традиционными методами, оказался очень далеким от действительности; с другой стороны, эконометрические модели для Японии, Италии, Нидерландов дали весьма положительные результаты.

В последнее время советские экономисты приступили к построению моделей прогноза, адекватно отображающих специфику современного капитализма с позиций марксистско-ленинской теории. Можно ожидать, что эти модели, использующие некоторые формальные приемы эконометрики, дадут значительно лучшие результаты, чем прогнозы западных специалистов.

Выше мы останавливались на вопросе: кто и как принимает экономические решения. Рассматривая государственное программирование, надо иметь в виду не столько модус принятия решений, сколько реальные условия их реализации.

Известно, что система является управляемой лишь в том случае, если ее подсистемы несут функцию «исполнительных блоков».

Допустим, что государственные органы приняли решения, обоснованные оптимальной эконометрической моделью; какая гарантия, что капиталисты будут претворять эти решения в жизнь?

Законы капитализма как раз несовместимы с гарантированным, регулярным и точно координированным исполнением экономических решений, принятых «на высшем уровне».

Лишь в условиях мировой войны, перед лицом непосредственной угрозы существованию системы, капиталистическое государство — и то в ограниченной степени — становится органом не только принимающим решения, но и принуждающим его осуществлять.

Таким образом, в капиталистическом программировании эконометрия занимает видное место, но само это программирование ограничено узкими рамками.

Особо значительное место занимает эконометрия в области вооружения империалистических государств, в первую очередь США. Не вдаваясь в анализ военного использования эконометрических методов (что могло бы служить темой специального исследования), отметим основные направления, выявившиеся в последнее время.

На первое место следует поставить новую методику разработки программ вооружения, известную как система «затраты — эффективность». Сущность этой методики заключается в том, что гигантские средства, расходуемые на вооружение главными капиталистическими державами, побуждают изыскивать новые, более современные научные методы распределения и утилизации этих ресурсов, изымаемых из экономики страны.

Для решения такого рода задач на различных уровнях в США разработана и введена (с 1963 г.) особая система: «планирование — программирование — бюджетирование». В этой системе руководящей идеей является сопоставление всего комплекса затрат с достигаемым эффектом. Процесс исследования начинается с изучения условий, в которых будут осуществляться намечаемые мероприятия, формулируются общие цели в государственном разрезе, затем производится выбор средств для достижения этих целей.

Систематическое исследование различных вариантов альтернативных курсов действия и составляет предмет экономико-математического анализа.

В результате находится такое решение, которое позволяет при заданных затратах достигнуть наибольшей эффективности или же при заданной эффективности обеспечить минимум затрат. Таким постановкам задачи соответствуют системы взаимосвязанных моделей.

Очевидно, конкретные решения требуют определения меры эффективности и меры затрат. Если мерой затрат могут служить денежные расходы, то выбор меры эффективности зависит от конкретной задачи. Объективный подход к мерам, по идее, должен устранить влияние ведомственности и субъективизма.

Разумеется, было бы наивно думать, что решения на уровне правительства диктуются оптимальным вариантом той или иной модели. Сопоставление вариантов — это одно, а фактическое решение — это другое.

Другим важным объектом приложения эконометрии служит планирование экономической мобилизации и, в частности, разработка вариантов восстановления экономики страны в случае термоядерной войны. Этот вопрос уже освещался на страницах нашего журнала [10].

Наконец, третье направление представляет собою использование эконометрических методов для определения экономического потенциала вероятных противников и его уязвимых пунктов. В частности, с этой целью применяются специально разработанные балансы межотраслевых связей и методы имитирования различных вариантов активного воздействия на экономические объекты.

Наряду с этими глобальными задачами, экономико-математические методы широко используются вооруженными силами для отыскания оптимальных решений в частных задачах, как, например, организация снабжения запасными частями, территориальное размещение военных заказов и т. п.

Этого краткого обзора достаточно для того, чтобы видеть, как в условиях капитализма экономические теории и методы превращаются в оружие империалистической политики: математические модели, оказывается, не такая уж безобидная вещь!

Следует отметить сильное влияние эконометрии на развитие государственной статистики; в этом отношении видную роль сыграла практика построения дезагрегированных матричных балансов межотраслевых связей и национальных счетов. Первоначально теория и практика балансов межотраслевых связей развивались независимо от системы национальных счетов, отображающих денежные потоки; в дальнейшем оба эти направления стали сливаться, что, естественно, потребовало существенного расширения статистической базы. Одновременно новейшая вычислительная тех-

ника сделала возможным быструю переработку огромных статистических массивов. В результате резко увеличился объем статистической информации и возросла ее оперативность; несомненно это способствует осуществлению государственных экономических мероприятий.

Издавна объектом государственного регулирования служила сфера внешней торговли; понятно стремление применить здесь эконометрические методы анализа, прогноза и программирования, тем более, что имеется давняя и весьма детализированная статистика международной торговли. Тем не менее оказалось, что именно в этой области встречаются исключительные трудности, связанные со сложностью и неустойчивостью сложившейся системы международных отношений, в которой переплетаются экономические и политические интересы капиталистических, социалистических и развивающихся стран.

Попытки формализовать систему международных торговых связей идут по нескольким направлениям. Разрабатываются «структурные» модели, отображающие потоки экспорта и импорта по отдельным товарам (товарным группам) и странам, преимущественно в матричной форме.

Наличие большого числа товаров и контрагентов на мировом рынке делает такие модели весьма громоздкими; принципиальной их слабостью является отсутствие связи между внешнеторговыми операциями и внутренней национальной экономикой. Эту увязку пытаются реализовать «комплексные» модели, рассматривающие в единстве и взаимозависимости внутренние переменные и переменные внешней торговли. Разработка подобных моделей находится еще в начальной стадии. Для текущей торговой политики разрабатываются весьма упрощенные модели прогноза корреляционного типа [11].

Несмотря на большие усилия в области моделирования международных экономических отношений, они остаются наименее поддающейся прогнозированию сферой непредвиденного и неустойчивого. Попытки подойти к формализации этой неопределенности с позиций игровой ситуации пока не принесли положительных результатов.

ЭКОНОМЕТРИЯ НА СЛУЖБЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИРМЫ

Эконометрия, зародившаяся в академической среде, затем перешедшая «на государственную службу», получает в последние годы наиболее широкое применение в практике частнокапиталистических предприятий, в первую очередь — крупнейших монополий*.

Если фирмы затрачивают крупные средства на оплату экспертов, разработку программ и алгоритмов, приобретение вычислительной техники и т. п., то они, очевидно, идут на это не ради науки, а в чисто деловых интересах: микроэконометрия явно окупается.

Эконометрические разработки служат важным средством, облегчающим принятие руководством (менеджерами) капиталистических предприятий решений, оптимальных с точки зрения данного предприятия. Конкретный критерий оптимальности может быть различен, но суть его всегда заключается в преуспевании данной фирмы. Эконометрист на службе фирмы рассматривается как один из факторов производства: капитал покупает мозг ученого так же, как он покупает машину: его продукция должна принести соответствующую прибыль.

Основное применение эконометрии на службе фирмы заключается в комплексном анализе функционирования предприятия как управляемой

* С точки зрения приложения эконометрических методов национализированные предприятия не отличаются от частных и могут рассматриваться совместно.

сложной системы. Таким образом, речь идет в первую очередь об экономической кибернетике; ее применение становится не только возможным, но и необходимым в условиях научно-технической революции [12].

К основным задачам эконометрии на уровне фирмы относится прогнозирование условий рынка и соответственно разработка производственной программы и стратегии капиталовложений. Крупные фирмы обычно составляют прогнозы сбыта на ряд лет вперед. На основе прогнозов принимаются решения о расширении производства, размере дивидендов, организации сбыта, подготовке рабочей силы, политике цен. Так, американская корпорация TRW с помощью эконометрических моделей составляет прогноз на предстоящий год по месяцам, на последующий год — по кварталам и на третий год — целиком (без разбивки); четыре раза в год прогнозы проверяются и корректируются [13].

С прогнозированием спроса тесно связана задача оптимизации системы запасов.

На микроэкономическом уровне теории запасов посвящены многочисленные исследования и разработаны разнообразные варианты моделей и алгоритмов решения. Эти работы бесспорно представляют большой практический интерес и для социалистических предприятий. В плановом хозяйстве задача оптимизации системы запасов (средств производства и предметов потребления) является особо важной; с учетом специфики социалистического хозяйства зарубежные теории запасов должны быть надлежащим образом преобразованы и развиты в целях практического использования.

К этим прикладным исследованиям примыкают также модели, отображающие процесс амортизации и возмещения основных фондов, модели, которые могут быть полезны и для социалистической экономики.

В отдельных отраслях промышленности (химической, нефтеперерабатывающей и др.) достигнуты известные успехи в деле автоматизации управления. В проектных, конструкторских и строительных фирмах широко применяются методы сетевого планирования и управления с применением вычислительной техники.

Эконометрические методы внедряются и в подготовку решений о территориальном размещении новых предприятий, оптимальных размерах заводов, наивыгоднейшем расположении оборудования, наиболее эффективном использовании персонала и т. п.

Эконометрия широко используется в оперативном управлении железнодорожным, автомобильным и воздушным транспортом. Все шире применяется теория массового обслуживания. В последнее время усиленно разрабатываются вопросы принятия решений в условиях неопределенности [14].

В перечисленных областях находят приложение различные отделы современной математики: теория вероятностей, линейное и нелинейное программирование, матричная алгебра, математическая логика и др. В основе методики анализа функционирования фирмы лежит математическое моделирование; внедрение этих методов требует переквалификации руководящих кадров капиталистических фирм. Эта методика часто оказывается нереализуемой в условиях раздробленной частной собственности. С этой точки зрения характерно признание руководителя одной из крупнейших авиа ракетных компаний США: «У нас нет реальных клиентов в гражданской сфере; можно, конечно, выполнить теоретическое исследование комплексной транспортной системы для урбанизированной зоны, но с кем вы будете заключать сделку? С тысячами независимых и антагонистических предприятий, с которыми придется договариваться индивидуально?» [15, стр. 71].

Несомненное усиление организованности, планомерности, эффективности в рамках отдельных крупных капиталистических предприятий не означает повышения уровня организации и устранения анархии производства капиталистического хозяйства в целом. Это вытекает уже из того, что критерии отдельных капиталистов несовместимы; интересы же всего класса капиталистов противоположны интересам трудящихся.

Вместе с тем, сам капиталистический строй ставит узкие пределы внедрению научных методов управления и в рамках отдельных фирм, действующих в условиях острой конкуренции и общей неустойчивости.

Рассмотрение основных функций эконометрии в современном буржуазном обществе позволяет сформулировать некоторые выводы теоретического и практического порядка.

В критическом анализе эконометрии надо избежать двух крайностей: проглядеть политико-экономическую реакционность и апологетику капитализма; с другой стороны, необоснованно отвергнуть с порога позитивную ценность экономико-математической методики, разрабатываемой на Западе.

Следует иметь в виду, что взаимосвязь между научным мышлением и ситуацией в общественной жизни очень сложна; избегая упрощенчества, надо признать известную автономию развития не только точных и естественных наук, но и наук гуманитарных. С этой точки зрения можно констатировать зависимость эволюции эконометрии от углубления общего кризиса капитализма, с одной стороны, от развертывания научно-технической революции, с другой. Вместе с тем развитие эконометрии связано с попытками преодоления явной несостоятельности прежних догм буржуазной политической экономии. На этом пути западные эконометристы делают лишь робкие шаги, оставаясь в основном в рамках вульгарной политической экономии. Однако внутренняя логика развития эконометрии приводит к тому, что многие ее концепции, модели и методы решения задач перерастают условия капиталистического хозяйства; они могут оказаться полезными и для исследования проблем плановой экономики. Эта формальная универсальность, индифферентность математических методов не должна затуманивать злоупотребление ими во имя обоснования надуманной и вредной концепции «конвергенции» капитализма и социализма.

Как было показано, эконометрия поддерживает типично реформистские иллюзии и в первую очередь миф о якобы неизбежном сближении частнокапиталистического и планового хозяйства на общей платформе «смешанной экономики».

Таким образом, идеологическую функцию буржуазной эконометрии нельзя недооценивать, тем более в нынешних условиях обострения идеологической борьбы. Независимо от личных субъективных намерений отдельных западных эконометристов, формальные достижения эконометрии используются в идейной борьбе между коммунизмом и капитализмом. Это проявляется не только в странах развитого капитализма, но в молодых развивающихся государствах Азии, Африки, Латинской Америки.

В условиях, когда вопрос о некапиталистическом пути развития еще является предметом острой социальной борьбы, идейное оружие эконометрии может приобретать определенное политическое значение.

Не следует упускать из виду, что среда западных эконометристов весьма неоднородна в идейно-политическом отношении. Неудивительно, что во многих эконометрических работах ценные в научном аспекте элементы пе-

реплетаются с утопическими и тенденциозными концепциями. Поэтому огульный подход к западным эконометристам и их продукции недопустим; здесь нужно следовать известным указаниям В. И. Ленина о дифференцированном подходе к буржуазным ученым. Надо тщательно отделять ценные конкретные исследования от ошибочных и реакционных тенденций реформистского толка.

Журнал «Экономика и математические методы», помещая конкретные и практически полезные исследования западных эконометристов, считает одновременно необходимым вести принципиальную борьбу против протаскивания буржуазной идеологии в советскую экономическую науку.

Нельзя отрицать, что математизация знаний, в том числе и наук экономических, есть закономерный и необратимый процесс.

Метод математического моделирования оправдан, если сложность исследуемой экономической проблемы, обусловленная множеством разнообразных связей между многочисленными факторами, требует точной формулировки задачи, недоступной традиционным методам экономического анализа.

Этим свойством сложности обладают проблемы анализа и прогноза структуры народного хозяйства, чем и объясняется, что применение макроэкономических моделей вошло в обиход как социалистических, так и капиталистических и слаборазвитых стран. Формальная общность этих моделей побудила к международному обмену опытом в данной области; однако содержание, цели и пути их достижения совершенно различны. По существу «конвергенция» ограничивается логико-математическим формализмом, который остается общим языком для всех наук, достигших определенной ступени развития.

Глобальные макроэкономические модели, построенные в странах капиталистического мира в целях прогноза динамики роста, не оправдали надежд их создателей. Не исключено, конечно, что совершенствование этих моделей на основе практического опыта повысит их прогностическую способность, поскольку речь идет о сравнительно коротких дистанциях времени. Долгосрочные же прогнозы, игнорирующие обреченность капиталистического строя, сами обречены на бесплодность.

Многие макроэкономические специальные модели западных эконометристов представляют определенный интерес и для социалистических стран. Сюда относятся работы по межотраслевым балансам, национальным счетам, производственным функциям, модели отдельных сфер и отраслей экономики (транспорта, торговли, строительства, энергетического хозяйства и др.).

Практическую ценность имеют эконометрические исследования конкретного микроэкономического характера, особенно в области теории затрат, капиталовложений, амортизации, оптимизационных транспортных задач и т. п.

Разумеется, надлежит следить за применением эконометрии империалистическими кругами в области военной подготовки. Заслуживают внимания и модели международной торговли, поскольку на мировом рынке в качестве контрагентов выступают и капиталистические, и социалистические, и развивающиеся страны с различным социальным строем.

Что касается методики и алгоритмов численного решения сложных экономических задач, то здесь открывается простор для взаимной информации и научного сотрудничества в самом широком международном аспекте.

Развитие эконометрии повлекло за собою значительное расширение математического инструментария экономических исследований. Ряд отраслей «чистой» математики получил при этом прикладное, практическое

применение. Сюда можно отнести матричную алгебру, теорию уравнений в конечных разностях и дифференциальных уравнений с запаздывающим аргументом, теорию линейных неравенств, теорию графов и др.

В свою очередь практика потребовала совершенствования и развития арсенала математических средств, что привело к дальнейшей разработке таких областей математики, как оптимальное программирование (линейное, выпуклое, целочисленное, динамическое, стохастическое и т. д.), теория вероятности (в частности, марковские процессы), методы решения систем линейных уравнений большой размерности, теория стохастических процессов, теория игр и т. д. Особо надо отметить разработку машинных языков и алгоритмов, специально приспособленных для решения экономических задач с помощью ЭВМ и машинного имитирования.

Таким образом, включение в обиход экономических наук мощных средств современной математики и вычислительной техники в известной мере является заслугой эконометрии. Эта заслуга способствовала повышению ее престижа; но нельзя закрывать глаза на то, что тот же самый престиж может быть использован (и подчас действительно используется) для целей, далеких от подлинной науки.

Взаимное обогащение экономических и математических исследований, видимо, будет и впредь развиваться. Одновременно повышается уровень математических знаний среди экономистов и хозяйственников, а среди математиков возрастает интерес к экономической проблематике. Можно ожидать дальнейшего взаимопроникновения экономико-математических и кибернетических методов. Несомненно, новейшая вычислительная техника станет все шире применяться для практического решения экономических задач на разных уровнях. Учитывая эти тенденции, необходимо подчеркнуть, что математический подход зачастую способен давать «правильные» и точные ответы на неправильно поставленные вопросы. Налицо опасность такого применения новой методики, когда центр внимания и усилий исследователей перемещается на преодоление формальных и вычислительных трудностей (многомерность, нелинейность и т. д.), тогда как реальные трудности коренятся в корректной, экономически адекватной постановке проблемы. Следовательно, использование опыта зарубежной эконометрии в странах социализма имеет ограниченное значение. Социалистическая экономика требует принципиально иного подхода и соответствующего, более совершенного формализма.

В странах социализма экономико-математическая методика все явственнее расценивается как важное средство поднять на новый, еще более высокий уровень планирование и управление хозяйством. Хотя в ряде областей советским ученым принадлежит приоритет, по известным причинам в разработке и применении новых методов в Советском Союзе имело место отставание; скорейшее его устранение требовало переноса зарубежного опыта. Ныне советская экономико-математическая школа развивается самостоятельно и всесторонне совместно с исследователями других социалистических стран.

Ее важнейшим преимуществом является подлинно научная база — учение марксизма — ленинизма; ее растущая сила — в крепнущей связи с практикой социалистического строительства. Дозволено утверждать: этап заимствования и переноса зарубежного опыта пройден; советская наука экономико-математического направления встала на свой собственный путь.

Сложны и ответственны задачи советских экономистов-математиков. Их долг — глубоко обоснованно раскрывать апологику буржуазной эконометрии, одновременно двигая вперед наиболее совершенную научную методику экономических исследований, необходимых для эффективного руководства строительством коммунистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. Шляпентох. Эконометрика и проблемы экономического роста. М., «Мысль», 1967.
2. D. Suits. Forecasting and Analysis by Econometric Models. American Economic Review. Vol. LII, N 1, March 1962, p. 105.
3. N. Kaldor. Keynes Versus Marx «Sankhya», 1957, N 5.
4. A. Lowe. On Economic Knowledge. Harpers Press. N. Y. 1964.
5. J. Vaneck. Maximal Economic Growth. Cornell University Press. N. Y. 1968.
6. Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning. Yale University Press. 1967.
7. J. F. Galbraith. The New Industrial State. Boston. 1967.
8. К. Маркс. Письма о «Капитале». Госполитиздат, 1948, стр. 192.
9. The National Plan 1970. London. HMSO. 1966.
10. С. М. Вишнев, Г. Г. Пирогов. Новые тенденции в макроэкономическом моделировании за рубежом. «Экономика и математические методы», 1967, № 5.
11. Европейская Комиссия ООН. Европейский экономический Бюллетень. 1968, том 19, № 2 — июнь.
12. J. Lesourne. Technique économique et gestion industrielle. Dunod. Paris. 1965.
13. Dun's Review. December. 1968, p. 33.
14. K. Borch. The Economics of Uncertainty. Princeton University Press. N Y. 1968.
15. Dun's Review. December. 1968. p. 71.
16. Усовершенствования в применении макроэкономических моделей в Европе. ООН. Нью-Йорк, 1968.

Поступила в редакцию
22 V 1969